

В своей рубрике «Уроки истории» мы предлагаем нашим читателям ознакомиться с книгой Владимира Слабуки «95 лет органам безопасности на Камчатке: события и судьбы», выпущенной издательством «Русский остров» (г. Владивосток).

Деятельность органов безопасности на Камчатке неразрывно связана с историей полуострова – северо-восточного форта России. Близость границы накладывает свой отпечаток. Рассказывая о службе чекистов, автор раскрывает подробности событий, в разные годы происходивших на полуострове. Большая их часть не была известна даже историкам-краеоведам. Сборник очерков, написанных живым и понятным языком, наверняка заинтересует жителей Камчатского края.

Фрагменты книги, относящиеся непосредственно к истории Камчатского полуострова, мы публикуем на страницах нашей газеты.

(Продолжение. Начало в № 22 (200) от 11.07.2018, № 23 (201) от 18.07.2018)

Глава 2

Сохранить и упрочить суверенитет...

Иостако Гентаро покидал свои концессии на гижигинском берегу значительно раньше, чем в прошлые годы. 17 июля 1933 года, сев на шхуну «Нанбо-мару-2», он оставался на верхней палубе часа два. Лишь когда серо-зеленый берег скрылся за тяжелым свинцом волн Охотского моря, японский промышленник вздохнул, зябко поежился, точно только сейчас ощутил, как сильно продрог, и отправился в жарко натопленную для него каюту.

Иостако Гентаро давно привык чувствовать себя хозяином в Гижиге и Наяхане. Он обосновался здесь, построил небольшой рыбоконсервный заводик еще в те годы, когда в далеком Петербурге правил русский царь Николай, карикатуры на которого так любили публиковать токийские газеты. Первые годы после свержения российского

императора стали лучшим временем для бизнеса Иостако Гентаро. Вот тогда он и стал здесь настоящим хозяином. Если раньше, когда он скупал пушнину, ему приходилось таиться, то теперь властью стали товары и спирт, а они у японца имелись.

Ничего не изменилось и после того, как в Наяхан и Гижигу в 1921 году пришли люди есаула Валериана Бочкарева-Озерова. Японец не мог сказать, что ему нравился этот почти постоянно пьяный и жестокий до омерзительности человек, но он понимал психологические мотивы постепенно деградировавшего субъекта, не стеснявшегося называть себя офицером. Иостако-сан обещал Бочкареву отвезти его и семью, если в том возникнет необходимость, в Японию, а казак почти поклялся продавать пушнину только Гентаро. По слухам, Бочкарев наградил ее у тунгусов много – мешков сто.

Иостако Гентаро уже начал подсчитывать барыши от продажи такого количества песка, белки и горностая в Японии, но когда в мае 1923 года он пришел в Гижигу, от Бочкарева остались одни воспоминания. Красный отряд в апреле разбил его воинство, в том бою погиб и сам Бочкарев. Доверенные люди рассказали Гентаро, что есаул слова, данного японцу, не сдержал. Осенью он с несколькими своими подручными ходил на юг на катере, доставленном американским торговцем Олафом Свенсоном. Ему Бочкарев и продал 60 мешков пушнины. Обрато вернулись без катера, по берегу. Остальную пушнину Бочкарев где-то припрятал. Многие пытались ее найти, но безуспешно. А у Бочкарева после его ликвидации обнаружили два банковских чека на очень солидную по тем временам сумму в 35 тысяч долларов, подписанные Олафом Свенсоном.

Чуть позже чекистам удастся установить, что американский промышленник заключил с Бочкаревым договор на пять лет, по которому Валериан Иванович гарантировал всю полученную им пушнину продавать Свенсону, а янки в свою очередь обязался снабжать компаньона оружием и амуницией. Дружба между русским белогвардейцем и заокеанским коммерсантом оказалась короткой, но крепкой. Американский торговец, согласно справке ОГПУ «О деятельности американской фирмы «Свенсон» на Камчатке и севере Якутии», составленной в 1929 году, даже спас господину Бочкареву жизнь:

«В 1922 году, во время переворота, руководимого большевиками, в селе Гижиге офицер Бочкарев был арестован и на одной из шхун направлялся под конвоем на Камчатку. По дороге шхуна застряла в одной бухте, в которой находились белогвардейцы, привезенные на шхуне Свенсоном, благодаря чему Бочкареву Свенсон дал освободиться и скрыться, а конвоиров расстреляли; одновременно захватив Гижигу, расстреляли руководителей переворота».

После того как Бочкарев погиб, Свенсон спешно покинул территорию СССР и не появлялся в Советском Союзе до 1924 года. Иостако-сан, оставшись единственным хозяином на северо-западном берегу Охотского моря, долго по сгнившим где-то песцам и белкам не тужил. Новые власти пока редко наезжали в Гижигу и Наяхан. Незаконный бизнес японского промышленника процветал. Пушные обозы тянулись к нему за сотни километров из Якутии, Корякии, даже с Чукотки. Иостако Гентаро принимал все меха, особенно радовали его соболя, которых редко, но все-таки привозили удачливые охотники. Расплачивался японец охотничьими припасами, мануфактурой, продуктами, но чаще всего – спиртом. Денег местные не просили. Они в тайге и тундре без надобности.

Все изменилось, когда из Петропавловска в Гижигу и Наяхан пришли чекисты и устроили здесь свои посты. Контрабандные операции Иостако Гентаро недолго оставались для них тайной. Но японец, узнав, что его шхуны и пароходы перед отправкой чекисты намерены проверять, успел переправить закупленную пушнину в одну из укромных бухт. В ней остался и сторож концессий Гентаро Прокопий Овчинников дожидаться, когда подойдет хозяйская шхуна, чтобы погрузить на нее мягкое золото. Новая технология сработала без сбоев. Чекисты проверили судно перед выходом из Наяхана, но нашли на нем только задекларированный груз – соленую рыбу, консервы и икру...

В последующем сторож уже не дожидался на берегу хозяйских шхун. Оставлял в укромных местах меха, устанавливал условные знаки и уходил. Ни одна партия пушнины не пропала. Чекисты в отношении Иостако Гентаро вели себя предельно сдержанно. Арендатор гижигинских рыбных промыслов имел на родине большой вес. Он принадлежал к одной из самых влиятельных в Японии семей. По данным Камчатского окружного отдела ОГПУ, дядя Иостако Гентаро являлся городским головой Токио, а сам арендатор имел широкие связи в парламентских и деловых кругах Японии. Он мог иметь определенное влияние на формирование внешнеполитического курса своей страны, в том числе по отношению к Москве, которая старалась наладить с Токио прогнозируемые отношения.

Сам Иостако Гентаро, хорошо говоривший по-русски, любил рассказывать гижигинским и наяханским обывателям о многочисленных путешествиях по миру. Он совершил несколько поездок по дореволюционной России и Советскому Союзу. Рассказывал японец и о том, что до того, как заняться бизнесом, служил в генеральном штабе императорской армии, не уточняя должности и звания. И все-таки в 1932 году нелегальный бизнес Иостако Гентаро рухнул...

[...]

Гентаро спешно покинул советский берег на принадлежавшей ему шхуне, которую вызвал телеграммой. В Гижиге и Наяхане он больше не появлялся. Скоро стало известно, что арендуемые промыслы Иостако-сан продал фирме «Ничиро».

Многие операции чекистов полуострова по перекрытию контрабандных каналов проходили под руководством начальника Камчатского окружного отдела ОГПУ Мартына Александровича Краузе. Одна из них разворачивалась в Петропавловске-Камчатском.

На двух странных типов, обосновавшихся на южном берегу Авачинской губы, возле Бабушкина камня, пограничники, ведя наблюдение с мыса Маячного, обратили внимание 18 июля 1929 года. Почти одновременно сотрудники Камчатского окружного отдела ОГПУ получили информацию об исчезновении из поселка Авача Николая Сецинского и Яна Рекоша. Последний обратил на себя внимание чекистов около месяца назад настойчивыми попытками выйти на капитана японского парохода «Муроран-мару», который ежегодно, с мая по октябрь, курсировал между Хакодате и Петропавловском. За навигацию судно успевало сделать семь рейсов.

На Камчатке пароход редко задерживался больше чем на сутки, а если выбивался из расписания, то сокращал стоянку до нескольких часов. За это время трудно познакомиться с капитаном, который почти не общался с камчатскими обывателями.

Небольшого роста коренастый японец в белоснежном кителе, который он, по слухам, менял дважды, а то и трижды в день, во время коротких остановок в Петропавловске иногда даже капитанской каюты не покидал. Все вопросы с властями, проблемы с грузами и пассажирами решали его помощники. Капитан «Муроран-мару» исключение делал только для японского консула и нескольких хорошо знакомых моряку соотечественников, постоянно проживавших в Петропавловске.

Один из таких господ и представил капитану парохода Рекоша во время стоянки

«Муроран-мару» в июне. О чем разговаривали камчатский обыватель и чопорный японский моряк, чекисты тогда так и не узнали. Но расстались Рекош и капитан, очевидно, довольные результатом беседы. Чекисты предположили, что речь могла идти либо о контрабанде, либо о нелегальном пересечении границы. Капитан в белоснежном кителе, как уже хорошо знали в отделе ОГПУ, грязных заработков не чурался.

За Рекошем установили наблюдение. Но потомок сосланного в Сибирь польского конфедерата Ян Павлович накануне прихода судна в Авачинскую губу исчез, равно как и его давний приятель, проживавший с ним по соседству в поселке Авача, Николай Матвеевич Сецинский, тоже поляк. Зато возле Бабушкина камня появились двое неизвестных.

Ситуация позволяла чекистам не торопиться с выводами и действиями. «Муроран-мару», по расписанию ожидавшийся в Петропавловске к 18 июля, запаздывал.

Секрет в составе двух пограничников, который специально выставили для наблюдения за неизвестной парой, установил, что мужчины ведут себя не менее скрытно, чем чекисты, следящие за ними. Костров, несмотря на холод камчатских ночей, не разводят, к берегу в светлое время не подходят, постоянно прячутся в высокой траве...

«Муроран-мару» вошел в Авачинскую губу днем 20 июля. Старший помощник капитана сообщил пограничникам, что судно в пути задержала непогода, поэтому стоянка сокращается до минимума. Пароход уйдет ночью...

Чекистам пришло время посетить мужчин, прячущихся на берегу Авачинской губы. Сотрудники ОГПУ почти наверняка знали, кого они там встретят, но оперативная работа всегда может подкинуть сюрприз.

Операцию по задержанию неизвестных М. А. Краузе поручил провести уполномоченному отделения по борьбе с контрабандой Н. В. Добржанскому. В рапорте, написанном на следующий день, сотрудник ОГПУ сообщал:

«...Я с группой в составе: пом. уполномоченного Темнова, контролера Бакшеева, нач. отделения вахтеров Кравченко и нарядом вахтеров при мотористе Квилинас, вышел на катере 20 июля с. г. в 19 ч. 10 мин. в юго-западном направлении, к берегу района села Богатыревка. В 20 ч. 5 мин. катер, выйдя из полосы тумана, оказался в 100–150 саженьях от берега, на котором была замечена опрокинутая на бок лодка, накрытая парусом, и возле таковой 2 человека. При появлении катера последние стали выносить из-под лодки какие-то мешки и прятать в траву. При высадке на берег у лодки оказалось двое мужчин. После проведенного обыска был обнаружен один чемодан, 2 мешка с пушниной и 2 ящика с личными вещами.

Задержанные, оказавшиеся гражданами села Авача Сецинский и Рекош, в 23 ч. 30 мин. после обратного возвращения катера были водворены в арестное помещение...

Задержанная пушнина, деньги и вещи оформлены протоколами».

Вызванный на следующий день на допрос Сецинский, увидев за столом молоденького помощника уполномоченного Темнова, перешел в атаку: «По какой причине вы меня арестовали? Мы сам-друг на рыбалку выехали. И здрасте! Нас хватают, руки вяжут...

Напористость Сецинского Темнова не смутила. Чекист, прошедший бессонную ночь, разбирая богатства задержанных контрабандистов, желания вступить в дискуссию с подследственным не имел. Подавив в себе растущее раздражение, Темнов перехватил психологическую инициативу в беседе: «Давайте лучше посмотрим, гражданин Сецинский, что вы прихватили с собой на «рыбалку»...

Чекист придвинул к подследственному исписанный лист серой бумаги и продолжил:

«...Сто сорок собольих шкурок, десять выдр, восемь красных лисиц, шесть лисиц-сиводушек, шестьдесят шесть горностаев. А еще золотые монеты царской чеканки, йены, доллары... Целое состояние. Ваш товарищ клянется, что оно вам принадлежит... Расскажите, откуда такое добро?»

Сецинский раздраженно крикнул. Все, что он столько лет копил, занимаясь трудами праведными и неправедными, в одночасье пошло прахом. Крикнул еще раз, вздохнул и начал рассказ издалека.

На первом допросе Николай Матвеевич многие факты своей биографии опустил. Но настойчивость, проявленная чекистами, опросы свидетелей, исповеди Рекоша позволили понять происхождение богатства Сецинского. Продав меха в Японии, он мог себе обеспечить безбедное существование минимум лет на десять...

Приехал Сецинский на Камчатку в 1909 году в возрасте 29 лет в числе авантюристов, быстро наводнивших город после его превращения в губернский центр. Он открыл кузнечную и слесарную мастерские, взял подряд на кровельные работы возводимых за счет казны зданий. Параллельно пан Сецинский построил на улице Набережной вполне приличный особняк, который сдал в аренду мадам Зимниковой под публичный дом. Жрицы сексуальных услуг продолжали ударно трудиться здесь, пока в декабре 1922 года их не разогнали большевики.

Сам пан Сецинский покинул Петропавловск еще до отречения от престола Николая II. Прикупив катер, он начал развозить товары по реке Камчатке от ее устья до самых дальних притоков. Николай Матвеевич вел и собственную торговлю, а также доставлял товары уже известного нам торговца Олафа Свенсона и братьев Демби – потомков шотландца с пиратским прошлым, который принял русское подданство. Его сыновья, впрочем, тоже грязных методов конкуренции не стеснялись, но, надо отдать им должное, внесли вклад в развитие рыбного промысла на полуострове. Братья, среди которых солирующую скрипку играл старший – Альфред, построили в Усть-Камчатске консервный завод, оснащенный самым современным на тот момент технологическим оборудованием.

Развозя по реке Камчатке товары, пан Сецинский, втайне от Свенсона и братьев Демби, скупал у местных охотников пушнину. Предпочтение, по понятным причинам, отдавал соболям. Их, по его словам, он начал скупать в годы Первой мировой войны, опасаясь, что деньги потеряют ценность. Так в годы революционного лихолетья и произошло.

Собственную торговлю Сецинскому пришлось свернуть в 1923 году. Но еще пять лет он продолжал ходить по реке и перевозить грузы. В 1928 году катер с находившимися на

нем товарами райисполкома затонул. После происшествия у Сецинского возникли неприятности, но следствие, к счастью для него, пришло к выводу, что Николай Матвеевич не виновник, а жертва неудачного стечения обстоятельств.

Сецинский, лишившись катера, решил поменять и место жительства. В Петропавловске, переживавшем перманентный квартирный кризис, никто жилья на продажу не выставял, пришлось обустраиваться в селе Авача. Обживался Сецинский обстоятельно. Купил просторный дом, приобрел корову, бычка, свиней, но при этом уже точно знал, что на Камчатке долго не задержится. Написал письмо брату, который обосновался в Шанхае, расспросил его, что и как. Родственник ответил быстро, посоветовал: если нет денег – сидеть на месте.

Сецинский себя бедным не считал, но как вывезти меха и другие ценности за границу? И тут ему словно специально подвернулся Рекош, с которым они свели знакомство еще в 1910 году. Ян Павлович сподобился несколько раз посетить Японию, обзавестись там нужными знакомствами. Рекоша знали как «надежного человека» и многие подданные микадо, постоянно проживавшие в Петропавловске. Через них Ян Павлович пообещал Сецинскому выйти на капитана «Муроран-мару» и договориться о нелегальной переправке в Японию приятеля вместе с ценностями.

Николай Матвеевич сразу согласия не дал, требовалось посоветоваться с семьей – с женой и четырьмя детьми. Супруга, узнав о предложении Рекоша, долго не думала: «Поезжай, нас потом как-нибудь выпишешь. Мы с голоду не умрем, деньги есть, хозяйство налажено...»

Рекош намеревался не только помочь Сецинскому бежать из СССР, но и составить ему компанию. Яну Павловичу давно не терпелось перебраться в Польшу, где у него оставались родственники, но удобного случая не выпадало, пока в Аваче не появился пан Сецинский. За организацию побега Рекош запросил у приятеля четвертую часть от валюты, которую удастся выручить за меха в Японии. Ян Павлович и сам владел кое-чем, как ему казалось, имевшим ценность за рубежом. Но о своем сокровище Рекош приятелю не сообщил. Читатель вскоре узнает о причинах, которые заставляли его таиться от подельника.

Пан Сецинский, узнав, сколько от него за услуги требует земляк, бежать отказался. После долгих споров сошлись на пятой части, из которой Рекош, к тому же, обязался

оплатить услуги японского капитана. Не вполне доверяя друг другу, партнеры составили письменный договор, который стал вещественным доказательством преступного замысла. Накладные расходы по организации побега решили делить поровну.

Рекош начал действовать. Капитан «Муроран-мару» согласился их доставить в Японию за сущий пустяк – трех соболей и пять выдр. Это составляло приблизительно 800 йен – заработок капитана за три-четыре месяца. Договорились, что перед следующим заходом «Муроран-мару» в Петропавловск, который планировался 18 июля, Сецинский и Рекош укроются на южном берегу Авачинской губы. Капитан гарантировал контрабандистам, что порт он покинет в сумерках, пароход пойдет малым ходом, и, когда судно поравняется с беглецами, они должны подать сигнал красным фонарем... Капитан спустит шлюпку...

[...]

На совещании начальников особых отделов Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии и Дальневосточного края, проходившем с 11-го по 14 декабря 1934 года в Хабаровске, отмечалось: «У нас переправа через границу существует еще как промысел... среди китайцев и корейцев, среди русских и приграничного населения можно найти и проводников через границу, и пособников, и натолкнуться иногда на целую переправочную «контору».

Вполне естественно, что трансграничная преступность обратила на себя внимание разведок, о чем также говорилось на совещании начальников особых отделов. «За последние два года, – сообщалось в одном из выступлений, – захвачено 165 закордонных диверсантов и более 300 переправщиков».

[...]

В августе 1929 года Сецинский и Рекош все-таки сели на пароход. Только вез он их не в Японию, а во Владивосток, откуда оба гражданина проследовали в Хабаровск. Особое совещание по делам контрабандистов при полномочном представителе ОГПУ по Дальневосточному краю приговорило их к заключению в концлагере на три года.

Остается только добавить, что уже в следующем году Сецинский из концлагеря убежал. Вскоре его семья покинула Камчатку. Дальнейшие следы их затерялись.

Не исключается, что Сецинские нашли способ перебраться через границу. В те годы на советском и маньчжурском берегах Амура и Уссури тысячи представителей разных народов и племен за умеренную плату предлагали услуги по переброске через кордон.

Продолжение следует